

Тетрадки под дождем

Три номера журнала «Здесь» (Екатеринбург, 2015) шевелились рядом в дружеских руках, радовали глаз своей самодельностью. Странички обычной принтерписи, одетые в минималистичные обложки с репродукциями кусочков школьных тетрадок по геометрии. Ни времени, ни места выхода не обозначено. Прочие признаки печатного издания (тираж, редколлегия, т. п.) тоже отсутствовали. Вручающий мне для прочтения всё это богатство был совершенно уверен в почти полной анонимности создателей. Даже акцентировал видимое ноавторство.

На первый взгляд так оно и было. При прыжке в глубины картинка сильно изменилась. Это не было алисино погружение в неведомые миры, кроличьи норы, зазеркалья, где каждая новая встреча хотя и неожиданна, но таит в себе массу новых интересных открытий. Скорее походило на погружение в заболотистую топкую местность, откуда вытянуть себя можно только за хвостик здоровой мысли. Своей собственной — ибо других вокруг почти не заметно.

Долгое время самым жидким, невнятным, непролазным автором на российских околопоэтических просторах считался (заслуженно) Виктор Хлебников, гордо звавший себя (незаслуженно) Велимиром. Хотелось бы поглядеть, как он велит (ну, не миру, хотя б болонке какой)... Особенно тягучие качества чемпиона лепета были заметны в почти цирковом дуэте с кидаящимся ёмким словом метким задирой Алексеем Кручёных.

С конца XX века роль принца невнятицы пытался играть возникший среди панк-

скоморохов екатеринбургских «Картинников» да ОМУТа (Общество Малосознательных Учеников Тредьяковского) Сандро Мокша. Трагически-загадочные обстоятельства гибели окончательно закрепили за ним статус легенды авангарда, весомо-грубо-зримо зафиксированный недавней книжкой Мокши в московской «Гилее». Если среди блужданий по хлебниковской хляби читатель изредка (неожиданно) всё же набредал на полянки острых мыслей либо цветы ярких образов, то мокшино болото более цельно, тотально, гибельно. И не надейтесь! Вот такую цельную личность создатели журнала «Здесь» выбирают проводником в неустойчивый, зыбкий культурный мир. Демонстративно открывают мокшинской подборкой творческий раздел первого же номера. И в дальнейшем не сбиваются с намеченного пути.

Ноавторство оказалось лишь видимостью, вызванной особенностями распечатки, где тексты то почти сливаются друг с другом, то вдруг расступаются почтительно перед заполненным пустотой (прямо посреди текста) пространством. Переходы от текста к тексту неявны, в них теряются и старательно поставленные авторские имена. Если даже авторы кокетливо обозначаются инициалами (Р. К., Е. К., т. п.), то тут же в текстах величают друг дружку не токмо по имени, но и по отчеству. Никак иначе нельзя. С превеликой трепетностью относятся они к любому своему изречению, слову, мысли (если это можно так назвать), оттого заполняются целые страницы многозначительными: «Нууу... эээ... аа... ааа... ммм... да... даааа... Ну, щас...

Ну, короче... Вот, ну, я... Ну, не знаю...» Это не утрирование, а цитаты! Из разных мастеров слова в разных номерах данного высоколитературного издания. Тут уж читателю с трудом понятно, чем конкретный Ваня (Маня) отличается от Васи (Люси). Ничего, писатели и это сделают за нас. Треть третьего номера посвящается детальнейшему разбору своих собственных стиховых откровений, с приведением всех «уничтоженных» (!?) предыдущих вариантов текста, указанием, откуда взято какое слово, особенно если оно винтажно (типа «краундфандинг»), с выдержками из уважаемых учителей-предтеч, с обещанием: «К саморасхваливанию ещё вернусь — на примере второй части, тоже неудачной, но более близкой к попаданию».

Первую треть третьего номера занимает стенограмма писательского собрания молодёжи, удивительно напоминающая пафосностью да административной деловитостью сборища пронирливых старцев из советского Союза Писак (лишь тема месткома-профкома почему-то не раскрыта). И это самое грустное. Молодёжная самовлюблённость, заикливание на себе — вещь преходящая. Внимание в слову (настоящее внимание, когда избавляешься от лишнего) тоже может прийти в ходе творческой деятельности. Было бы творчество. Но когда у деятелей вполне осознанно выбран за образец номенклатурный «совок», понимаешь, что самиздат здесь не оттого, что творческая энергия бурлит, желает выразиться по-своему в нестандартных формах. А потому, что на «сурьезную» типографию ещё нет денег. Тетрадки текстов треплются под дождём сожаления.

В этой топи сложно (и скушшно) блуждать от «Нууу...» до «краундфандинга», от матерного диалога до полуофициозной стенограммы съезда. Здесь лишь неленивые да любопытные выловят частички творчества. Не отягощённые щепетильностью знакомые музыканты на вопрос о главном впечатлении после общего знакомства с журналом ответили просто: «херовый» (производя слово от английского написания «здесь» — «here»). Даже немудрёные детские стихи-рассказы (либо стилизации под них) воспринимаются — по контрасту — ярким событием. Есть и действительно интересные тексты. Например, у Сергея Сдобнова: «Сначала было лицо, иногда его не было, но когда всё же оно было, по нему полз нос... Бывает, в Нос приходят мысли, и их надо думать, почти все они такие: Что я знаю о запахе Носа? Есть ли другие Носы? Почему Нос здесь? Иногда запахи не приходят очень долго, и Нос не уверен в себе». У Михаила Хабурдина: «Ногы сбиваются со следов, как пьяные комары, смыслы съедобны саранчами букв, свет протух по своим краям. Зажигается внутри фонаря безвкусная сигарета... Всё это кратко попыткам сведения бухгалтерии улиц к общим знаменателям возвращений в дома дверей, закупоренных светомы дымящих ламп». А вот Варвара Абашева: «У льва было имя — Бажов. Лев Бажов съел ёжика Пушкина. А два яблока, которые купил Пушкин, снова съели те же самые лошадки». И на десерт — из неё же: «Потом облако проглотило свой язык. Потому что говорило целиком. Целиком — это значит цело говорило, цело-прецело».